

ВАЛЕНТИНА ШУЛИКОВСКАЯ

П И Р
В МОЕЙ ГОЛОВЕ

ДИАЛОГ В АНТИЧНОМ СТИЛЕ

Ижевск

2021

**Это предварительная версия макета.
Просьба НЕ размещать ее на других
Интернет-ресурсах!**

Может ли получиться так, что цена, которую придется заплатить за существование человечества, – это исчезновение души у отдельно взятого человека? Автор рассматривает данную гипотезу с разных точек зрения, используя жанр научного диалога, популярный у европейских ученых античности, Средних веков и эпохи Возрождения.

В тексте использованы цитаты из других произведений и публичных выступлений автора.

© В.В. Шуликовская, 2021

Кроме того, я знала, что смогу дружить с героями своих книг. Они не были ни слабыми, ни подлыми. Они были достаточно умны, чтобы я не презирала их за глупость. Они умели чувствовать, умели любить и страдать. Да, они знали, что такое любовь. Они умели требовать и отвечать, не боялись никакой ответственности и всегда стремились брать ее на себя. Они умели брать и платить. Они знали, что такое гордость. Они были нравственны и любили людей, даже если сами этого не сознавали. Они имели свой мир, мир своих идей, и, в отличие от меня, они были живыми. Возможно, им не хватало беззаботности, но плохо ли это? И все они были очень разными, и каждый немножко походил на меня.

«Записки мизантропа»

Разговаривающие лица

Я – Валентина, автор

Фернán }
Эвáр } *герои моих книг*
Дух }
Иисус }
Я'слан }

Мнение участников диалога совпадает с мнением автора.

Парод

Фернан: Привет! Читаешь Платона? Надеюсь, не помешал?

Я: Помешал, конечно. И, конечно, это неважно.

Фернан: Неужели не страшно видеть, когда вот так, из ниоткуда, в комнате появляется то ли человек, то ли призрак?

Я: Такое уже бывало в моих снах, когда я оставалась одна в этом деревенском доме, где до ближайших соседей шансов докричаться меньше, чем до небесной звезды. Однажды мне приснилось, как в мою спальню просачивается сама смерть, белая и воздушная. Тогда, во сне, я подумала, что буду не против, если она заберет меня прямо сейчас, но она могла бы вести себя и повежливее. Что за нахальство – проходить без приглашения сквозь стену!

Фернан: И что случилось со смертью?

Я: Я протянула руку и стала ее душить. А она надулась и лопнула, точно мыльный пузырь. Проснуться после такого было... неплохо.

Фернан: Надеюсь, меня ты душить не станешь?

Я: А было бы на удивление забавно! В моем доме среди бела дня вдруг появляется, просачивается сквозь стену герой моей старой книги, преподаватель в школе путешественников во времени, которого все считают человеком-загадкой. Ты ведь правда Фернан? Дотрагиваться не буду. Именно таким я тебя и представляла. Худой, дружелюбный, с волосами неопределенного цвета. На вид – беззаботные и задорные семнадцать лет, за которыми невеста что кроется.

Фернан: Сама меня таким сочинила.

Я: И для чего ты пришел, Фернан? Когда-то я ждала, что ты придешь, что откроется дверь – и там будешь стоять ты. Из всех моих героев – именно ты. Такой веселый, такой безмятежный. Но ты пришел не тогда, а сейчас. Для чего?

Фернан: Поболтать на правах персонажа. Однако не думай, я здесь не один. Как самый общительный из всех сочиненных тобой ... героев, я решил прийти раньше всех. Да и уворачиваться от кулаков разгневанных женщин я умею неплохо. Кто ж знал, что ты не бросишься меня душить! Впрочем, другие тоже в пути. Вот Эвар, например.

Эвар: Привет! Я решил зайти сразу вслед за Фернаном, всё-таки мы с ним из одной сказки.

Я: И это означает, что вы на самом деле два разных человека, а не реинкарнации друг друга. А то мнения читателей на этот счет разделились.

Эвар: Мнения читателей? Но ты-то, как автор, не можешь не знать, что мы разные люди. Более того, ты сама противопоставила нас друг другу как олицетворение двух разных выборов.

Я: Да, конечно. Фернану – вечная жизнь с бесконечным количеством новых впечатлений. Тебе – замкнутый круг, хотя сам ты каждый раз узнаешь об этом только в последний момент. Другие герои той моей истории, как я понимаю, не придут.

Фернан: Не придут. Хватит нас двоих, один – преподаватель, другой – бывший студент. А вот и еще один путешественник во времени, на сей раз – непрофессионал. Как ты его назвала? Наивный изобретатель машины времени? Как ты сама говорила, он служит наглядным примером того, как **не надо** путешествовать во времени. Ты не удосужилась дать ему имя, но поскольку сам он окрестил себя духом времени, я предлагаю называть его просто «Дух».

Дух: К вам можно? «Дух» – это прозвище новобранцев, но я не против. Ведь я – твоя первая удачная проба пера. Я – твои 16 лет, я – первый в галерее твоих

безумцев. Так что можешь считать, что я заодно представляю их всех. А еще я олицетворяю твою любовь к человечеству.

Я: Любовь, которая угасла во мне вместе с твоим появлением на свет.

Иисус: К вам можно?

Я: Такие волосы ниже плеч из всех моих героев носит только один.

Иисус: Иисус, одержимый поисками смысла жизни. Человек, который намеренно ищет самый тяжелый и самый страшный в мире крест, чтобы взвалить его на себя, и при этом ненароком, как бы невзначай, создает новую мировую религию. Так ты меня отрекомендовала? Но на самом деле я просто хотел как можно полнее использовать свою единственную жизнь, прожить ее как можно... ну, правильнее, что ли. А вот и Яслан, из сказки о конце света.

Яслан: Привет! Я мог бы привести с собой и моих друзей, но сомневаюсь, что ты захочешь встретиться с ними.

Я: Ждем кого-то еще?

Фернан: Думаю, нет. Желаешь поболтать с кем-нибудь из компании бравых аспирантов?

Я: Нет, не желаю. Единственный герой той моей книги, которого я хотела бы видеть, это Джордано Бруно, но он не придет. Его нельзя считать в полной мере **моим** героем. Я не сочиняла его, он действительно существовал. Впрочем, как и ты, Иисус.

Иисус: Вовсе нет. Тот Иисус, который действительно существовал или мог существовать, – это не я, мы очень разные люди. Да и Джордано, который действительно существовал, был несколько иным, чем у тебя. Но я могу представлять здесь того, другого, твоего Джордано. У нас много общего. Я пошел на распятие, он – на костер, потому что это был наш последний шанс заявить о себе в вечности. Помнишь? Сжечь – не значит опровергнуть, а вот для того чтобы доказать, иногда достаточно просто сгореть.

Я: А где житель Замка Бессмертия?

Фернан: Как же ему прийти? Ты не дала ему ни имени, ни лица. «Тридцатилетний», «двадцатилетний». Что это за имена?

Я: Но вы же знаете, я в этом не виновата! Я не придумывала ни ваших странных имен, ни ваших нелепых сюжетов. Они приходили мне в голову сами, сразу и вдруг, и я уже не могла ничего изменить, только наполнить словами.

Фернан: Впрочем, я могу побыть за него. В конце концов, именно нас обоих ты наделила тайным знанием о других мирах, о возможности другой жизни, другого времени. Кого еще ты теперь ждешь? Центральный персонаж «Записок мизантропа» – ты сама, даже если пропорции малость искажены. А твоя игроманка – или архитекторша – из «Хроник одной жизни» тоже лишена имени и лица.

Я: «Архитекторшу» я еще могу понять. Но почему игроманка?

Яслан: Потому что всегда играет. То в карты с Господом Богом, то в прятки со смертью. Я буду в том числе и за нее.

Я: Ты? А у вас-то что общего, Яслан?

Яслан: Ты окрестила меня доморощенным философом, перепутавшим зло и добро. Но на самом деле я не философ, я математик. А в математике нет добра и зла, есть только исходный набор аксиом. Ты же сама написала, что каждое благо рано или поздно изживает себя и становится злом. Что у нас общего с твоей единственной **героиней**? Логика. Разум. Среди всех своих ужасов и любовей она находит утешение в холодной логике, она всё время оценивает свою жизнь, строит гипотезы, делает выводы, пытаюсь понять себя и свою судьбу. Кстати, поэтому я считаю, что обитатель Замка Бессмертия – вообще не персонаж и не герой, и хорошо, что он не придет, потому что я бы ему всё это высказал. Как ты охарактеризовала его? Пришелец из неведомого мира, совсем не такого, как

наш; пришелец, которому наша жизнь непонятна и отчасти ненавистна, который не способен оставаться в ней, но и вернуться тоже не в силах. Его проблема в том, что он ничего не делает, только смотрит, страдает и ждет. Он просто, тупо хочет домой. Истинные герои той твоей сказки – люди, которых он наблюдал, воители и художники. Может быть, Замок. Но никак не его обитатель.

Я: Может быть, он постигает мир и ищет путь домой не разумом, а душой? Не столько умение мыслить, сколько терпение и мужество? Впрочем, это неважно. Он не придет, то есть все, кто хотел, уже здесь. Все в сборе. И что у нас будет? Просто разговор или трапеза?

Эвар: На языке Платона – симпосий. Можно сказать, даже пир.

Фернан: Ну, насколько я понимаю, готовить среди вас по-настоящему умею я один, да и то только потому, что я умею делать всё на свете, за бесконечно долгую жизнь грех не научиться. Когда-то я считался шеф-поваром мирового класса.

Я: Мы вряд ли оценим твое мастерство.

Эвар: Впрочем, готовить всё равно не из чего. Фернан, ты глянь на ее запасы! Меня лучше кормили в американской тюрьме, когда я после войны попал в плен.

Я: Это остатки! Завтра я уезжаю. А у меня нет привычки оставлять в пустом доме работающий холодильник.

Яслан: Вот они, избалованные жители двадцатых веков. В другие эпохи холодильников вообще не было.

Я: Знаю-знаю. Вино, сыр, оливки, забродившие фрукты, вяленое мясо. Из всего этого с собой у меня только сыр, и вряд ли вы польститесь на него добровольно.

Эвар: Это легко исправить. Все-таки к тебе в гости пришли путешественники во времени. Не угодно ли не просто винца, а вина из погребов самого императора Вителлия?

Дух: Уверяю тебя, Валентина, старик знал толк в изысканных винах.

Фернан: Да и всё остальное у нас тоже с собой, не волнуйся. Как ты сказала? Оливки, сыр, воспетый самим Гомером.

Иисус: Вяленое мясо и фрукты.

Яслан: Хлеб, фиги и финики.

Я: Не слишком ли однобоко?

Эвар: Почему нет? Мы все воспитаны там, где горы, море и много солнца. Только Дух родом из холодной России. Но ведь ты тоже полюбил море и горы, правда, Дух?

Агон: жанр диалога

Я: За встречу! И все-таки, почему вы пришли навестить меня именно сейчас?

Фернан: Я слышал, тебя выгнали из этого. Как его? Твоего университета.

Эвар: А чего это ее выгнали? По слухам, студенты ее любили.

Яслан: Говорят, отказалась пройти медосмотр.

Иисус: И в добровольно-принудительном порядке повышать квалификацию.

Дух: И сжигать глаза за дистанционной проверкой тетрадей...

Я: Если честно, думаю, что это всё мелочи, хотя таких мелочей накопилось уже изрядно. Вернее сказать, что в здоровой ткани нашего коллектива я всегда ощущала себя занозой. Может быть, даже ядовитой. Вы же знаете, что моя преподавательская карьера мне глубоко безразлична. То, чему я действительно хотела бы научить страждущее человечество, страждущему человечеству нахрен не нужно.

Фернан: Фу, как грубо.

Я: Зато справедливо. По сути, я обучала людей, которые учиться не хотят, вещам, которые совершенно не интересны мне и совершенно не нужны им. Более того,

в глубине души мы все это понимали. И студенты, и я. Может быть, поначалу мне было забавно: справлюсь, не справлюсь. Но с каждым годом я всё больше воспринимала свое стояние у доски как своеобразную клоунаду, глупую пародию, хотя и выполненную с серьезным лицом. Знаете, я долгое время думала, что мои коллеги, как и я, разыгрывают друг друга, и на самых важных сборищах половина из нас в глубине души ухмыляется, половина – радостно ржет. Но оказалось, что ухмылялась одна я. Все остальные действительно верят, что у нас, боже ты мой, храм науки. Что мы даем молодым людям образование и путевку в жизнь.

Иисус: Они просто боятся признать бесцельность своего существования. Вот и внушили себе, будто их работа имеет смысл. Выбить у них из головы эту веру нельзя: погибнут.

Я: Когда до меня дошло, налаживать отношения было уже поздно.

Фернан: Заметьте, при этом она не пьет и не уходит в загул. Сидит в своем аккуратном деревенском доме, без отопления, без воды; в доме, где каждая бытовая проблема превращается в квест. И читает Платона. На древнегреческом.

Я: Я кидала монетку: греческий или суахили. Выпал греческий.

Фернан: И как поживает Сократ?

Я: Ты не поверишь! Опять умер! Уже в двадцать какой-то там раз!

Фернан: И стоит ли тогда перечитывать этот текст снова и снова?

Я: Всё равно мне нечем себя занять, а текст обалденно красив. Думаю, мне нравится сам процесс расшифровки витиеватых греческих фраз. А еще мне очень жаль, что в эпоху Просвещения бесследно исчез этот жанр научного диалога, в котором мысль подкрепляется чувством. Действительно, кто стал бы сейчас, тысячи лет спустя, читать эти старые рассуждения о бессмертии души и об устройстве загробного мира, если бы человек, говоривший о них, не поглядывал за окно, ожидая, что на закате ему принесут яд. Конечно, у меня со смертью долгая и сложная история чувств, но даже мне показалось, что каждое слово Сократа теперь отбрасывает зловещую тень и выглядит значительнее, чем на самом деле. С другой стороны, кому был бы интересен старик, который выбрал чашу с цикутой, не желая долго и тяжело умирать от старческих немощей, если бы этим стариком не был Сократ, способный рассуждать о бессмертии души и об устройстве загробного мира?

Иисус: Ну да, катехизис. Вопросы, ответы, вопросы.

Эвар: Важнее то, что требования к стилю письма были столь же высоки, что и к научной ценности мыслей.

Яслан: А ведь ты сама говорила, что, двадцать лет переводя научные тексты разных эпох, ты воочию убедилась, что каждое новое поколение ученых всё хуже владеет родным языком и всё больше прячет свое неумение говорить за формулами и рисунками.

Дух: Физики и математики классиков в детстве не читали. Это называется узкая специализация. Они пишут несвященные тексты, настолько несвященные, что и стараться особенно ни к чему.

Я: Да, теперь всё как-то обезличенно. Знаете, книги про вас я сочиняла еще на бумаге, и это был живой текст, в котором видно каждое исправление. Все мои сомнения и колебания, все муки в поисках нужных слов – как на ладони. Больше я так не делаю. Знаю, что лишила себя чего-то ценного, чего-то особенного, но назад пути нет. Или мои тексты теперь не настолько важны даже мне.

Дух: Ты хотя бы осталась единственным автором своих книг.

Иисус: Что он имеет в виду?

Я: Он хочет сказать, что даже в таком глубоко личном деле, как искусство, теперь

личности практически нет. У автора книг есть редакторы бета и гамма. И хорошо, если они просто следят за красотой слога и достоверностью фактов, тут заменят твой эпитет синонимом, там поменяют порядок слов. Сейчас редактор может легко и просто сказать: для рекламы будет лучше, если вы вот здесь вместо мужчины поставите женщину, а вот там покрасите кожу героя в другой цвет. И, вообще, уберите-ка эти причастные обороты, рядовому читателю они будут слишком сложны.

Иисус: Отказаться нельзя? Не ты ли говорила, что если кто-то без твоего ведома поправит в твоей книге хоть одну букву...

Я: То я не только руки оборву, но и голову отверну? Чтобы уже точно больше ничего не трогали? Говорила. Но это я. А есть люди, которые согласны на всё, лишь бы их напечатали. Или у них отсутствует самолюбие, присущее истинным авторам. Сейчас зачастую как? Один придумывает сюжет. Другой прорабатывает психологический тип героя. Третий пишет диалоги. Четвертый – картины природы. А есть еще и пятый, и шестой, и десятый.

Дух: То есть большой коллектив.

Эвар: Ансамбль.

Фернан: Скорее, футбольная команда, которая гоняет общий мяч.

Я: Неприятнее всего, что результат очень часто приходится публике по сердцу. В большей мере, чем творчество одиночек.

Яслан: Есть такой эксперимент. Взять несколько сотен фотографий разных людей, перемешать черты их лиц и собрать из них нечто среднее. И вот это усредненное лицо, собранное из сотен настоящих и живых, большинству людей кажется более красивым, чем лица отдельных людей. Никто не виноват, что такова наша психология.

Я: Ну да, нет такой мерзости, которую нельзя оправдать наукой.

Агон: наука, музыка, спорт

Дух: Насколько я понял, теперь ты не очень-то любишь ученых. А ведь я помню тебя в 16 лет, когда ты проводила со мной почти всё свое свободное время.

Я: Ну да, сочиняла тебя, часами расхаживала по комнате, пытаюсь представить, что я – это ты, чтобы думать, как ты, чувствовать, как ты, сходить с ума вместе с тобой и говорить твоим голосом.

Дух: Помнится, в те времена все ждали от тебя чего-то особенного. Казалось, еще пара лет – и ты станешь профессором, а то и академиком, и твоим научным открытиям будут аплодировать стоя. Тебя приглашали в школы для одаренных детей, звали в лучшие университеты нашей тогдашней страны, но ты неизменно оставалась на месте. Почему? И где это всё теперь? Если я правильно понял, после твоего изгнания из университета очередь из желающих воспользоваться твоими талантами почему-то не выстроилась.

Эвар: Дух, ты не понимаешь, что такое болеть временем. Валентина не наделила тебя этой способностью – на твое счастье. А я отравлен этой болью сполна. Валентина могла умирать от нестерпимого горя просто потому, что с наступлением нового года на стену вешали другой календарь, тем самым зримо отделяя ее от прошлого. А ты хотел, чтобы она смогла уехать из родного дома, бесповоротно разорвав время своей жизни на до и после.

Дух: Откуда ты это знаешь, Эвар?

Эвар: Я сам такой, стараниями Валентины. И уверяю тебя, жить с этим очень и очень непросто.

Я: Эвар прав. Но дело не только в этом. Вы можете мне не верить, но, глядя на тех, кого тоже звали и кто, в отличие от меня, согласился, я очень не хочу оказаться на месте их. Ведь нас приглашали в рабство! Именно мной, конечно, не

интересовался никто, нужны были только мои способности, более того, очень узкий диапазон моих способностей. От меня бы ожидали, что я потрачу всё свое время и силы на максимальное развитие какого-то одного профессионального навыка, пренебрегая всем остальным. Например, стану заниматься только математикой. И не математикой вообще, а только алгебраической геометрией. И не алгебраической геометрией вообще, а только эллиптическими кривыми. Причем только над конечными полями. И даже не ими в целом, а только теоремой Хассе. Или проведу полжизни в горах и глухих лесах, выискивая древних отшельников, изучая их исчезающие языки, чтобы в конце концов, подорвав в этих путешествиях свое здоровье, найти какой-нибудь один неизвестный науке падеж или редкую форму глагола. Да, мне иногда позволили бы на 2-3 часа отвлечься и занять себя танцами и вышиванием, чтобы тут же с новыми силами вернуться назад, к теореме Хассе. Я понимала, что мне придется полжизни потратить на обслуживание чужих блестящих идей, прежде чем мне позволят заняться своими, да и то не факт. Я понимала, что труды мои сами по себе будут ничтожны. Я, как пчелка, должна буду заполнять свою маленькую ячейку, имеющую смысл только вместе с тысячами других таких же ячеек.

Дух: Не слишком ли мрачно? Многие люди счастливы ощущать себя трудолюбивыми пчелками или муравьями, внося свой маленький вклад в большое общее дело.

Я: Многие, но не я! Мне казалось, что меня хотят запихнуть в клетку, причем в клетку, которая заведомо мне мала, и я смогу поместиться в ней, только если переломать мне руки и ноги да перешибить пару раз позвоночник. И если бы эта клетка хотя бы была золотой!

Иисус: Может быть, они просто любят свою работу? И поэтому готовы сосредоточиться на ней, отсекая всё остальное? Они любят, а ты – нет!

Я: Ну да, мое сердце занято вами! По крайней мере, я сохраню свою целостность и умру человеком.

Дух: Нет, все-таки слишком мрачно.

Я: Дух, я исхожу из того, что жизнь людей – в историческом масштабе – течет по одним и тем же законам. Когда-то, очень давно, каждый человек мог знать всё и быть всем. Тот же Платон, хотя он и не так уж далек от нас, рисовал неплохие картины и вроде бы побеждал на Олимпийских играх. Еще 300 лет тому назад обычный ученый занимался наукой вообще, от древних языков до минералогии и врачевания. Еще 100 лет назад профессиональный спортсмен был образцом идеально здорового человека. А что сейчас?

Дух: Ты хочешь сказать, что наука проходит тот же самый путь, который чуть раньше и быстрее нее прошел спорт?

Я: Именно так. Пример спорта, как правило, ближе и проще, так что рассмотрим его. Что скажешь, Дух? Ты – мой современник, ты пребываешь в одном контексте со мной и знаешь историю нашего общего 20 века.

Дух: В самом его начале четыре олимпийских забега мог выиграть студент-стоматолог¹, догадавшийся изменить технику барьерного бега. Он догадался сам, институтов на него не работало. А русский фигурист Панин – физико-математический факультет по отделению естественных наук, между прочим, – лично просчитывал свои специальные фигуры на льду, с которыми и завоевал олимпийское золото. И это было состязание интеллектов, а не одних только тел. В середине века две золотые олимпийские медали и одну бронзу получила французская пианистка². Получила и вернулась к концертам. А потом опять

¹ Элвин Кристиан Крэнцлайн (Здесь и далее прим. автора).

² Мишлин Остермейер

занялась спортом. Индеец Джим Торп выиграл олимпийское многоборье в обуви, которую случайно нашел в мусорной корзине, потому что свою у него украли! Представьте себе его проблемы с экипировкой! Характерно, что потом, когда победу у него отобрали – и это отдельная песня, – шведский десятиборец Висландер, бывший вторым, отказался принять медаль, заявив, что слишком дорожит своей серебряной, чтобы обменивать ее на чужую золотую. Ты можешь себе представить, чтобы нечто в этом роде случилось сейчас?

Отказаться от медали из соображений чести? А как же деньги? Контракты? Кредиты, которые надо платить? Коллектив, который пахал на твою победу? И это еще до эпохи всеобщего допинга. Я правильно говорю, Валентина?

Я: Ты говоришь как человек, выросший на советской публицистике. Впрочем, всё верно. Однако уже в Первую мировую войну олимпийского чемпиона Жана Буэна не взяли в армию, поставив диагноз «гипертрофия сердца». И это можно рассматривать как первый звонок. От обладателей гармоничного тела, в котором к тому же присутствует интеллект, от соревнования личностей мы потихоньку приходим к состязаниям непоправимо искалеченных инвалидов, которые всю жизнь положили на развитие одной и только одной функции тела, будь то быстрый бег, прыжки в высоту или координация движений в воздухе, пожертвовав всем остальным. Никто уже не спорит с тем, что большой спорт не добавляет здоровья, а наоборот, отнимает. Более того, я не вижу состязания личностей, отдельных интеллектов и воли.

Дух: Ты не видишь у них воли к победе?

Я: Когда я смотрю в лицо спортсмена, идущего на последний рывок, я теперь не знаю, что это: воля к победе или результат удачного сочетания гипноза, инъекций и нужных пилюль. Кто передо мной: несгибаемый борец или марионетка в руках большой команды тренеров, массажистов и спортивных врачей? Мы следим за состязанием атлетов или же чиновников и адвокатов, воюющих за расположение судей или за то, чтобы отстоять права на свой и только свой допинг, объявив все остальные допинги незаконными? И самое страшное – что это не заговор каких-то темных сил, не трагическая случайность, а естественный ход событий.

Яслан: И вернуться назад, к прежнему спорту, никак нельзя?

Эвар: Невозможно вернуться к самодельным конькам и веслам, к спортивной обуви, найденной на свалке. Уже поставленные мировые рекорды не отменить, а они давным-давно исчерпали биологические возможности человека. Вот и соревнуются теперь экипировки да технологии, не личности, а научные институты и юридические конторы.

Фернан: Знаешь, Дух, я бы сказал, что старые виды спорта, с которыми знакомы вы с Валентиной, дойдя до определенной точки, перестанут быть интересны. На их место придут новые, где еще предстоит изобрести экипировку и тактику, где рекорды еще не поставлены. С наукой, пожалуй, дела обстоят похуже. Так, Валентина?

Я: В дальней перспективе – да. Ученые еще не прошли этот путь до конца, но успешно по нему следуют. Мне всё чаще кажется, что для занятий наукой требуется не ум, а особый род глупости. Что наука высоких достижений отнимает разум точно так же, как спорт высоких достижений отнимает здоровье. Останутся интеллекты, заточенные под решение очень специальных задач. Когда-то я верила, что на подходе альтернативная наука.

Яслан: То есть сейчас ты в это не веришь? Кто, как не ты, предлагал вернуться к истокам Нового времени, оставить в покое путь, указанный Ньютоном и Лейбницем, и пойти другим путем?

Я: Яслан, у людей не будет ни сил, ни желания этим заниматься. Как я уже

сказала, такова логика нашей истории. Такова природа вещей. Им ведь и так хорошо: в достатке и хлеба, и зрелищ. А разглядеть симптомы глубинной катастрофы – это надо обладать совершенно особенным зрением.

Иисус: Человечество, ликуя, шагает к пропасти, ведомое современной наукой. Так?

Яслан: Да разве же это пропасть? Пусть не поодиночке, пусть разрушая личное во имя общего дела, но ученые всё еще одерживают триумфы.

Я: Триумфы? Расскажи мне про них.

Яслан: Наконец-то доказана теорема Ферма. И у доказательства есть автор.

Я: Да, доказана. Да, автор есть, но никто, кроме узких специалистов, не помнит его имени, и это уже знак. На всякий случай: его зовут Уайлс. Еще на всякий случай: его 130-страничная статья, которую мало кто читал, – это не более чем последнее звено в очень длинной цепочке рассуждений самых разных людей. Если мне не изменяет память, после публикации первой версии доказательства научное сообщество нашло у автора несколько серьезных пробелов. Общими усилиями эти пробелы удалось устранить.

Яслан: Да, на языке математиков это называется «закрывать дырки».

Я: Можем ли мы тогда считать, что доказательство теоремы Ферма – дело рук одного человека? Нет, это – труд коллективный. Я уж молчу о том, что сам Ферма наверняка имел в виду нечто иное. Более того, появление доказательства ничего не изменило в науке. Ни-че-го! Три с лишним столетия никто не мог эту теорему опровергнуть, и все математики давно смирились с мыслью, что она верна, а достоверно убедиться в этом – вопрос времени. Уже много лет все результаты в теории чисел выводились с учетом теоремы Ферма. Точно так же, как сейчас многие статьи снабжены замечательной преамбулой: «Все дальнейшие рассуждения выполняются в предположении о том, что континуум-гипотеза справедлива».

Дух: Континуум-гипотеза?

Яслан: Еще одна гипотеза, которую пока никто не доказал и не опроверг. Валентина считает, что ее доказательство никому не нужно и ничего не изменит.

Я: Надо же, Яслан! А ты ведь и впрямь математик!

Яслан: С пятым постулатом, очевидно, было иначе.

Я: Да, иначе. Сама по себе геометрия Евклида ничуть не изменилась и никак не пострадала. Проблема пятого постулата хороша тем, что привела к другим важным выводам философского плана, открыла нам иные миры. Как там сказал Яслан? Нет ни добра, ни зла, есть только исходный набор аксиом. Вряд ли теорема Ферма позволит кому-то прийти к выводам такого масштаба. Так что триумф не засчитан.

Дух: Расшифровка генома?

Я: И что? Это не результат гениальных прозрений, это хорошо организованная работа большого количества очень квалифицированных людей. Десять лет и несколько миллиардов долларов. На свое счастье, ты не слышал о том, как под конец два исследовательских коллектива устроили жестокое соревнование на скорость и победители обогнали побежденных всего на три дня. Плохо всё это вяжется с моими представлениями об интуиции, гении и поцелуе Господа.

Иисус: А как тебе частица Бога, обнаруженная наконец в адронном коллайдере?

Я: Давай уж по-честному: бозон Хиггса. Да, кто-то догадался дать ему удачное рыночное название. Выбить денег на отыскание частицы Бога легче и проще, чем на какой-то невнятный бозон. Кто-то взял на себя тяжкое бремя организационных работ. Надо было уговорить правительства нескольких стран. Надо было найти удобное место и очень, очень большие деньги. Надо было координировать работу нескольких тысяч ученых и решать массу возникающих по ходу дела мелких технических проблем. Всё это требует высокой,

высочайшей профессиональной квалификации и изворотливого ума. Но меня не впечатляет научная статья, у которой пять с чем-то тысяч авторов! Статья, где несколько страниц занимает список этих пяти с чем-то тысяч фамилий, а дальше одной строкой сообщается, что обнаружена частица, существование которой предсказали полвека назад. Я не могу считать **это** триумфом. Я хочу видеть личность изобретателя! Архимедов винт изобрел один человек: Архимед. И хотя мы не знаем, как звали изобретателя колеса, я уверена, что это был **один** человек. Даже если колесо изобретали несколько раз в разных местах, каждый раз автор был только **один**. Есть вещи, которые просто невозможно придумать вместе. А винт и колесо – триумфы почище, чем миллиард расшифрованных генов или адронный коллайдер.

Фернан: Весьма патетично, весьма. А что ты думаешь о многочисленных теориях современной физики? Можно ли собрать из них нечто цельное и непротиворечивое?

Эвар: Мы имеем в виду не только теорию относительности и квантовую механику, хотя даже их до сих пор не удается состыковать. Есть ведь еще теория темной материи. И темной энергии.

Иисус: Струны, параллельные миры. Экзотические массы. И еще много всего-всего.

Яслан: И авторы воюют друг с другом.

Дух: К счастью, пока только на бумаге.

Я: Надеетесь услышать, что я, как обычно, отвечу: физики, мол, запутались в математике и прикрывают свое бессилие, свою неспособность разобраться в природе вещей пачками сложных формул и вычислительных подвигов.

Фернан: А ты придумала что-то новенькое?

Я: Я думаю, уже должен найтись человек, который объяснит физикам то, что Пифагор когда-то объяснил музыкантам. В его эпоху каждый играл музыку на свой лад, и сами ноты, то есть гаммы, у каждого мастера были разными.

Дух: Скорее, это зависело от местности. Впрочем, неважно.

Я: Однако казалось, что еще чуть-чуть, последнее усилие – и удастся создать совершенный музыкальный инструмент, который объединит в себе все эти разнородные гаммы, надо только правильно выбрать количество нот и рассчитать длину струн. И тогда зазвучат идеально чистые октавы, квинты, кварты и терции.

Иисус: И тогда кифара и флейта смогут петь столь же свободно, как человеческий голос.

Я: И вот Пифагор доказал, что сделать это не удастся. Ни семь нот в гамме, ни двенадцать, ни даже сто двадцать проблемы не разрешат. Все равно останется легкая фальшь, зазор. Пифагорова комма, пифагорова лимма. Так устроены натуральные числа. Такова природа вещей.

Фернан: Она начиталась Платона!

Я: Можно сделать чистые квинты, тогда терции станут фальшивить. Можно сделать идеальные терции, но в квинтах послышится ложь. Есть много разных вариантов. Но музыкант способен настраивать свой инструмент, выбирая именно тот **строй**, ту систему нот, которая подходит ему сейчас. Ту, что лучше для мелодии и гармонии именно здесь, в этой музыке. Все шедевры мировой классики сочинялись и исполнялись на **несовершенных** инструментах, уже после того, как музыканты смирились и перестали искать идеал.

Яслан: Я так понимаю, физики подошли к тому этапу, когда им тоже пора смириться и отказаться от попыток достичь безупречной и цельной теории всего.

Я: Такой момент рано или поздно должен был наступить.

Агон: конец истории

- Фернан: И это, как ты говоришь, естественный ход истории. Клонишь к тому, что история подходит к концу? Вместе со спортом, беллетристикой и наукой?
- Дух: А еще – вместе с революциями, мировыми войнами и дерзкими путешествиями в никуда. Я всё вспоминаю, как ты говорила, что отдала мне свою любовь к прошлому, отдала без остатка, так что, создав меня, ты полностью утратила интерес к прежним эпохам и героям исчезнувших лет. Между прочим, это немного обидно. Но вдруг дело не во мне, а в том, что любить стало нечего?
- Иисус: Как ты писала? «Все вопросы давно решены, исчерпан сюжет».
- Эвар: «Лица окружавших меня людей вдруг странно опустели, и всякая духовность исчезла из этих лиц».
- Дух: В моей истории человечество вымерло, потому что все подряд принялись бегать в прошлое и разбрелись по разным эпохам и странам. Кстати, именно тогда, в самом конце 20 века. Может быть, ты ощутила этот ... конец сюжета? Крушение всех идеалов, после которого – пустота? Ощутила интуитивно, бессознательно.
- Эвар: А твоя одержимость прошлым? Эта дикая боль, это нежелание безвозвратно уходить вперед. Может быть, тебе просто не хотелось с кровью выдирать себя из того последнего времени, когда в жизни людей еще присутствовал высший смысл? Или тебе было до смерти жаль твоей умирающей страны, какой бы она ни была?
- Я: Знаешь, раньше я об этом не думала, но к концу 20 века моя одержимость временем действительно поутихла. Я всегда считала, что просто научилась усмирять эту боль, как научился и ты, и Фернан, и вообще все ваши ребята. Думаешь, дело в том, что мне нечего стало любить и не о ком страдать, потому что тогда, в конце века, раса победителей постаралась опошлить не только настоящее, но и прошлое?
- Фернан: Более того, и будущее, причем, как водится, из лучших побуждений.
- Иисус: Но это твое личное поражение. Твое и Духа, вы оба утратили идеологию и страну. Не забывай, что ваша трагедия – частность. Не раз и не два рушились империи, исчезали цивилизации, и всякий раз те, кто присутствовал там и тогда, говорили о конце истории. Десятки, если не сотни раз.
- Я: А ты представь себе ипохондрика, полного всяких недугов. Он всё болеет и болеет, и каждый раз пугается, что это конец, и прощается с близкими, а потом выздоравливает. И случается это настолько часто, что уже никто не воспринимает его страхи всерьез. Юмор в том, что рано или поздно он **на самом деле умрет**. Да, империи рушились и раньше. И умирали религии. И приходили новые неслыханные болезни. Однако есть вещи, которые случились впервые за всю историю человечества. Давайте на спор: каждый из нас с ходу сможет назвать хотя бы одну.
- Фернан: Надо подумать! Впервые в истории для большинства людей проблемой стало не найти себе пищу, а похудеть. И впервые в истории люди двигаются, то есть ходят, бегают, плавают, для того чтобы отдохнуть и поправить здоровье, а не для того, чтобы выжить.
- Эвар: Нет такой матери, которая не похоронила хотя бы одного ребенка. Впервые в истории страшную правду этой поговорки не оценит никто, потому что ваши дети перестали умирать. Сколько современных отцов своими руками опускали в землю детские гробики, и несправедливость происходящего корежила им нутро? И впервые в истории главной причиной смерти стали не вирусы и бактерии, не прочая зараза, а давление, ожирение, сердце, старость.
- Фернан: В перспективе – слабоумие и самоубийства.
- Эвар: О чем мечтают врачи? Каждый должен дожить до своего рака! Это каким надо

быть изувером! Вместо трех дней горячки и проигрыша в честной борьбе с другой формой жизни – месяцы, годы страшных мучений для себя и для близких! Зачем? За что?

Яслан: Ты отстал от жизни, Эвар. Теперь врачи кричат, что каждый должен дожить до своего старческого слабоумия – и умереть, измучив детей и внуков.

Иисус: Они просто привыкли спасать людям жизнь и не могут остановиться, упустив тот момент, когда их забота обернулась жестокостью.

Яслан: Но я хотел не об этом. Впервые в истории основной движущей силой всех ваших приспособлений стали не мускулы человека или зверей, а сначала пар, потом электричество.

Дух: Впервые в истории артефакты – так я буду по-старинке называть каждую вещь, созданную не природой, а человеком, ибо мне противно слово «товар» – утратили свою ценность, сделавшись не сокровищем, а обузой. К середине века **пристроить** артефакт, или, по-нынешнему, товар впервые стало проблемой куда более важной и сложной, чем **изготовить** артефакт. И никогда раньше реклама не была столь навязчивой, такой лживой и лицемерной. Я видел рекламу, среди которой живет сейчас Валентина. От попыток слегка приукрасить правду у вас давно перешли к прямому заморачиванию людей, по примеру самых мерзких цыган-попрошак. Я никогда не видел такой квинтэссенции лжи, такой фальшивой слащавости, такого показного и мерзкого счастья, такого открытого стремления запутать и обмануть. Меня можно обвинить в том, что я отравлен идеологией коммунизма. Но зато в моем детстве я не видел рекламы! От слова совсем! Я бы сказал, что в мире моего детства у всех нас был строгий конвоир, который вел нас к далекому счастливому будущему, карая каждого, кто усомнился и сделал шаг в сторону. Однако в этом был свой смысл и, шагая под конвоем, мы могли предаваться своим мыслям и мечтать, о чем захотим. Живи я сейчас, мне бы казалось, что, хлынув изо всех щелей, меня окружила толпа оборванцев, и каждый из них орет благим матом, и тянет меня к себе, пытаясь урвать от меня хоть кусочек. Это намного страшнее любой идеологии, потому что они влезают в мои мысли и хотят управиться с моей душой. Простите, я не был краток.

Иисус: Давай попробую я. Впервые в истории умные и образованные люди стали не слишком нужны. Умные обладают неприятной привычкой что-то изобретать, при том что разношерстных знаний и так скопилось больше, чем общество в состоянии переварить. А на людей образованных не влияет реклама! Как говорила об этом Валентина? Чем примитивнее, чем эгоистичнее человек, тем он перспективнее в качестве потребителя. По-простому: тем сподручнее ему будет **втюхать**. В людях вообще заложен природный эгоизм, об этом знает не только каждый бог, но и каждый священник. Сколько раз, даже в твоей пьесе, мне приходилось слышать: «Господи, дай мне! Дай!» И ведь ни один не договорил до конца: «Господи, отними у другого и дай мне, мне!» А с каким самодовольством, с какой глупой уверенностью они кричат: «Бог меня спас!» - забывая при этом уточнить, сколько других своих тварей Бог тем же взмахом руки погубил. Будто Богу есть дело до их глупых жизней, будто они бессмертны. И вот сейчас этот врожденный эгоизм, эта бессмысленная жажда жизни всячески поощряется. «Попроси Вселенную! Она даст тебе всё, что захочешь!!» Кажется, я тоже не был краток, простите.

Я: Впервые в истории люди стали специально изготавливать **артефакты** так, чтобы они поскорее сломались. Выбросить – вот главный призыв современности! Выбросить, чтобы снова купить! Это я говорю на правах персонажа из «Записок мизантропа». И от себя лично, ведь меня мучает чувство вины. Пусть это смешно, но мы в ответе за всех, кого приручили, в том числе и

за эти неодушевленные предметы. Они были созданы специально для нас, они не могут жить самостоятельной жизнью, а мы их бросили, и они хранят тепло наших рук, отправляясь на свалку.

Яслан: Может быть, тебе и впрямь лучше было предпочесть суахили? Вдруг свет придет с Востока и с Юга? Там много молодых людей. Там дети всё еще умирают, а выжившие знают цену жизни и адекватно видят себя в масштабе Вселенной. Там пока еще умеют ценить и хранить артефакты!

Я: Это ничего не изменит. Очередная схватка цивилизаций, каких было немало. Возможно, верх одержат Юг и Восток. Возможно, Запад и Север. Победители – кем бы они ни были – по-своему перепишут историю и докажут, что их победа спасла этот мир. По большому счету это неинтересно. Представьте себе, как в саванне пасется стадо антилоп, а на них нападает голодная львица. И беременная самка с большим животом не может бежать так же быстро, как все остальные, она отстает, и если львица кого-то настигнет, то только ее. Эта самка погибнет. Погибнет ее не родившееся дитя. А у львицы в логове трое голодных львят, и если она не поймает добычу, ее дети умрут. Кому сочувствовать будем?

Иисус: Ты хочешь сказать, что для копытных естественно сочувствовать антилопе, а для хищников – львице.

Я: Да, это так. Но кому будем сочувствовать мы, стоящие выше схватки? Да, нам с Духом было очень больно увидеть конец нашей Родины, нашего особенного мира, со всеми его недостатками и странностями. Мне было бы больно и жалко похоронить европейскую культуру. Не просто похоронить, а истоптать, опоганить и зачеркнуть. Но в большом историческом плане всё это неважно. Это просто жизнь. Всё живое хочет устроить как можно больший кусок мира по своему образу и подобию. Даже прионный белок стремится заразить все соседние белки, навязав им **свой** способ сворачиваться.

Фернан: А вот Дух в каждой эпохе пытался устраивать революцию.

Дух: Да ладно, так уж и в каждой.

Я: Стоит ли ожидать чего-то другого от стран, рас и церквей? Я вижу сотни миллионов людей, соединившихся в стаи: по языку, по религии, по культуре. И каждая стая хочет навязать свое представление о жизни всем остальным, переделать весь мир по образу своему. Навязать свое счастье, потому что для каждого из них именно свое счастье – самое счастливое и самое правильное. Допустим, случится смена цивилизаций, и всё, что мы сейчас называли, исчезнет. Обнулится наука, искусства и спорт, артефакты вновь станут сокровищем, а люди вспомнят, что мир крутится не только вокруг их драгоценной персоны. Это отсрочит катастрофу. Но не отменит ее. Потому что на самом деле всё еще хуже.

Агон: они станут как дети

Фернан: Еще хуже?

Я: Да. Когда я слышу споры о мировых заговорах и истерику вокруг таянья льдов, мне мерещатся люди, которые плывут на тонущем корабле и с пеной у рта обсуждают, какого цвета должен быть галстук у капитана. Пробоины в днище они не замечают. То, что беспокоит меня на самом деле, это не потребительский психоз, не торжество эгоизма и не отсутствие высших смыслов. Меня тревожат две вещи: всё возрастающая специализация – не только в спорте, не только в науке – и отсутствие грёз.

Эвар: Грёз?

Я: Конечно. Еще для нас с Духом книга и фильм становились отправной точкой для наших фантазий. Мы закрывали последнюю страницу, мы уходили домой и

мечтали, мечтали. Мы утопали в своих мечтах. Проживали сюжет за каждого из героев, исправляли не понравившуюся концовку, наполняли заданную нам канву рисунками, музыкой, стихами, а главное – эмоциями. Мы любили, дружили и воевали, каждый по своему разумению. Наши сердца разрывались от чувств.

Иисус: Разве сейчас не так?

Я: Расслабьтесь, господа, всё сделано за вас! Мечтаешь о космосе, любишь скорость? Вот тебе симуляция полета в формате 3D! Хочется приключений? Изволь, компьютерные стрелялки! Понравился фильм или книга? К вашим услугам саунд-треки, и игры по мотивам любимого фильма, да интернет-канал с клевыми видеосиками о героях.

Фернан: И стопицот фанфиков, где все мыслимые повороты сюжета уже придуманы кем-то другим.

Я: Готовые мысли, ощущения и эмоции хлынут к тебе со всех сторон, только помани. Так зачем создавать свои? Когда-то я любила фильм, в котором Моцарт, оставшись наедине с собой, слышит гениальную музыку, сочиняет ее в своей голове и лишь успеваешь лихорадочно писать партитуру. Думаю, в его эпоху только так и сочиняли. Способны ли на это люди сейчас? По-моему, они вообще ни разу в жизни не оставались наедине с собой. А вот это и есть катастрофа. Я боюсь, что, утратив способность мечтать, они больше не будут людьми и станут как дети.

Эвар: Что ты имеешь в виду?

Я: Я уже в полгода научилась смотреть на людей вполне осмысленным и даже изучающим взглядом. К своим трем годам я произносила много несложных фраз, когда хотела есть, пить, гулять или на горшок, и эти фразы всегда говорились к месту. Я могла одеться и воспользоваться ложкой, пусть не всегда удачно. Более того, я уже умела читать. Однако при всем при этом я не помнила себя! Детские воспоминания, смутные и отрывочные, конечно, имелись, но цельной и связной картинкой у меня еще не было! А что, если у каждого нового поколения она будет возникать всё позже и позже? А потом родятся люди, способные на очень сложные рефлексы, но не имеющие души? Нет, внешне ничего не изменится. Они будут двигаться, разговаривать и сдавать экзамены в школе. Бравые аспирантки будут по-прежнему защищать диссертации. Ученые будут исправно поставлять публике новые открытия. Инженеры продолжат регулярно радовать нас техническими новинками. Никто ведь не поймет, что всё это сделано по заложенным в их головы алгоритмам! Они даже будут размножаться и создавать семьи!

Иисус: Делая вид, что в жизни есть любовь.

Я: Вот именно. Уже сейчас, глядя на этих людей, которые произносят заученные чужие фразы, копируют чужие позы и думают явно чужие мысли, я задаюсь вопросом: а кто передо мной? У этого человека всё еще есть душа или уже нет?

Яслан: Нельзя это как-то определить?

Я: По внешности не понять, а к ним в голову я не залезу. Наверное, единственным верным знаком того, что передо мной пока еще человек, было бы творчество, отмеченное почерком гения. Научное открытие, музыка, книга – что угодно, но только выпадающее из шаблона и глубоко личное. Но именно личного у нас больше нет! Ни в науке, ни в искусстве, нигде!

Дух: И ты делаешь такие выводы только потому, что люди разучились мечтать? Превратились в узких специалистов с ограниченным кругозором?

- Я: А что если это просто ход эволюции? Эта жуткая мысль зародилась у меня, когда я работала над одной книгой по биологии³. Я ведь переводчик и редактор. Была. Я всё читала о том, как независимые органеллы объединялись в живую клетку. Как одиночные клетки-универсалы создали многоклеточный организм, утратив свою универсальность и обретя узкую специализацию.
- Эвар: Яслан, Иисус, вы знаете, что такое живая клетка? Эта теория родилась через тысячи лет после вас.
- Иисус: Спасибо, Эвар, мы в курсе.
- Яслан: Когда-то каждая клетка сама решала, куда ей ползти, сама хватала пищу, сама сражалась с врагами и отпочковывала от себя молодежь. А в моем теле решают одни, пищу переваривают другие, сражаются третьи. Функции разделены.
- Иисус: Я даже помню издевательский крик Валентины: «Свободу митохондриям как наш ответ феминизму!». И твои истории о маленьких независимых митохондриях, которые согласились защититься от внешнего мира за толстыми стенками примитивных первичных клеток, рассчитывая на любовь и партнерство, а получили рабство и удел энергетических батарей. К слову – о несправедливости жизни.
- Я: И вот я всё читала об этом, внимательно, медленно, ведь мне надо было проверить каждое слово и перевести на русский язык. Авторы очень подчеркивали, что жизнь на Земле постепенно усложняет свою структуру, что это принципиально. Но забывали каждый раз добавлять, что сложная структура обеспечивается очень большим числом составных частей: мелких, простых. Примитивных и надежных, иначе она погибнет.
- Фернан: Будь попроще – и народ потянется?
- Я: Скорее наоборот. Когда народ к тебе потянется, ты неизбежно станешь проще и сам этого не заметишь. И вот тогда я обратила внимание на то, о чем авторы книги, скорее всего, не подумали. Откуда следует, что этот процесс заканчивается на нас? Ведь животные сбиваются в стаи, люди образуют сложно устроенные общества. И математические модели велят мне считать стаю условно разумным целостным существом, даже если животные, образовавшие эту стаю, разума лишены. Возможно, как раз сейчас мы уже проскочили некий порог, за которым – дальнейшее неудержимое усложнение общества и неизбежное упрощение отдельных его членов: людей. И уровень сознающего себя существа, обладающего цельной душой, способного мыслить и творить, вот-вот сместится. От отдельного человека – к группе людей.
- Иисус: Как группа людей может быть чем-то целостным, мыслить и обладать общей душой? Я, конечно, встречал толпы фанатиков, словно бы живущих единой жизнью, но продолжалось это недолго.
- Я: До поры до времени. Подумай сам, Иисус, разве твои мысли и чувства – это не результат деятельности миллиардов клеток твоего мозга? А разве мы считаем каждую из них цельным и разумным существом? Есть ли у каждой из них душа? Сейчас, когда душа есть у нас?
- Эвар: **Сейчас**, когда душа есть у нас. То есть раньше было не так. Ты хочешь сказать, что разум не появился на свет вместе с людьми. И раньше самосознанием обладали – отдельные клетки? А еще раньше – эти крошечные частицы, из которых современная клетка и состоит?
- Яслан: Между прочим, если ее гипотеза верна, это может объяснить одно **пустяковое** несоответствие. Между скоростью эволюции и тем временем, за которое мы дошли до нынешнего состояния. Если жизнь на планете образовывалась и совершенствовалась наобум, то расчетное время должно быть больше 4

³ Ф.Капра, П.Л.Луизи. Системный взгляд на жизнь. – УРСС, 2019.

миллиардов лет. Если же построение клеток и многоклеточных организмов происходило не методом тыка, а с элементами разумного творчества... участников процесса, то успешные инженерные решения возникали гораздо быстрее. Потому что отсекал заведомо провальные варианты можно было еще на стадии замысла.

Дух: А ведь живая клетка невероятно сложна! Помимо митохондрий там очень много всего и устроено оно не проще, чем наши с вами тела.

Яслан: Но почему тогда клетки так похожи друг на друга? **Случайный поиск** дал бы куда больше вариантов.

Я: Авторы той самой книги не могли понять, почему из сотен аминокислот природа выбрала для нас только двадцать.

Дух: Для людей?

Я: Для всех нас, включая вирусы и бактерии. И вот эта **неслучайность** ... напрягает.

Эвар: Дух! Разве ты не провел кучу времени в первичном бульоне, когда в нем зарождалась жизнь? Как там обстоят дела с разумом?

Дух: Не забывай, что это происходило только в фантазиях Валентины. Но даже если на тогдашней Земле присутствовал разум, у нас не было никакой возможности общаться друг с другом. Вряд ли они понимали бы мой язык. Кстати, я тоже думаю, очень глупо считать себя непременно венцом творения. Это попросту нелогично. Гипотеза Валентины объясняет и то, что космос так молчалив. Даже если мы не одиноки во Вселенной, очень мало шансов, что та, другая разумная жизнь прямо сейчас находится на том же уровне сложности. И возможностей установить связь друг с другом у нас будет еще меньше, чем у меня с клетками из бульона.

Эвар: Вы всерьез? Вы хотите сказать, что это может быть правдой?

Яслан: Да. Как ты думаешь, Валентина, сколько осталось до... конца?

Я: Поколения три-четыре. И я не знаю, что мне теперь с этим знанием делать!

Эвар: Нет! Нет!! Ты не имеешь права сдаваться! Ты должна что-нибудь сделать, вместо того чтобы ... сидеть тут и читать Платона.

Фернан: А это она справляет тризну по европейской культуре.

Я: Эвар, здесь ничего нельзя сделать.

Эвар: Не верю! Ты должна найти выход! Это надо как-то остановить!

Яслан: А ты отмени закон всемирного тяготения! Или заставь Землю вращаться в другую сторону. Или сделай так, чтобы скорость света составила 10 км в час! Заодно посмотрим, насколько верна теория относительности.

Фернан: Это он так намекает, что нельзя восстать против законов природы. Не пугайтесь, Эвара корежит приступ юродивой доброты и любви к человечеству. Это бывает. Это скоро пройдет.

Эвар: Юродивой доброты? А как же **твой** гуманизм, Валентина? Разве не ты писала, что высший принцип гуманизма – не охрана человеческой жизни, а признание того, что каждый человек бесконечно сложен и неисчерпаем?

Иисус: Валентина, ты сама говорила, что убить человека – не столь тяжкое преступление, как до конца объяснить человека и манипулировать им.

Я: Однако именно это и происходит прямо сейчас. Нас объясняют. Прощают. Манипулируют. И было бы ради чего! Чтобы успешнее продать, то бишь **половчее втюхать**, свои ... артефакты. Да, я бы предпочла остановиться, и если прогресс требует от меня утраты моей целостности, независимости и гармонии, то лучше отказаться от прогресса, чем от себя. Но у большинства людей сработает инстинкт самосохранения, и они просто меня не услышат. Я думала, что у человечества есть будущее. Я ошибалась.

Дух: Но, наверное, кто-то останется. Я хочу сказать, останется человеком. Ведь не

все клетки объединились когда-то в многоклеточные тела.

Фернан: Ага, и гордые независимые чумные палочки теперь мстят, нападая на нас.

Я: Что толку! Самосознание всё равно ускользнет на высший уровень, и даже отщепенцы постепенно утратят свое человеческое «я». Позже всех остальных, но утратят. А искать контакт с этим высшим уровнем мне совершенно не хочется. Не исключаю, что там будет другая наука, другое искусство. И, может быть, даже спорт!

Фернан: Интересно, как это будет выглядеть. Вы что, не понимаете, насколько это ... красиво? Наше человеческое «я» пляшет на лезвии ножа! Чуть ниже – и оно распадется на множество мелких разумов, живших – живущих? – внутри нас. Чуть выше – вольется в таинственный новый разум, который нарождается на наших глазах. Во мне прямо сейчас присутствует и то, и другое! Что вы молчите? У вас нет чувства прекрасного!

Дух: Но ведь Школа путешественников во времени, где учились Эвар и Фернан, существует в далеком будущем!

Эвар: Боюсь, что только в фантазиях Валентины.

Яслан: Обидно это. Люди только-только начали жить ... как люди. Не работать на износ, не голодать, не терпеть боль, не хоронить детей. И вдруг выясняется, что это уже конец!

Иисус: Вообще-то это не обидно, а, как ты называешь, логично. Люди уже обустроили местность вокруг себя, пора двигаться дальше.

Я: А разве с отдельным человеком не так? Только-только нашел свое место в жизни, построил дом, вырастил детей – и вдруг оказывается, что это уже старость и смерть.

Эвар: Фактически, всё сводится даже не к неумолимому ходу эволюции, а к неумолимому ходу времени. Как живут люди в большинстве своем? Бегут-бегут-бегут, и всё им кажется, что вперед, что к какой-то цели. Каждый выдумывает себе причины, по которым надо бежать. Сочиняет либо долг, либо грядущее счастье. И даже на смертном одре еще на что-то надеется. На чудо. Бог меня уберег! А те, кто надеяться перестал, рассказать об этом не успевают. Слепой инстинкт велит им стремиться в будущее. Жить. Просто жить.

Иисус: Просто жить? Глупыми радостями обывателя? Глупыми и ничтожными? От одной мысли об этом меня охватывал ужас и отвращение комком подступало к горлу. Я был готов выпрыгнуть из своего ненавистного тела, из кожи вон вылезти, лишь бы ... не просто жить.

Яслан: Как ты думаешь, Иисус, может ли нация выпрыгнуть из своего ненавистного тела и вылезти вон из кожи? Как это будет смотреться? Ведь даже в массе своей народы хотят того же: продолжать просто жить.

Я: И нации тоже бегут-бегут-бегут, и всё им кажется, что вперед. Умножение культурных традиций, воспитание новых поколений, прогресс. И не хватает храбрости признать, что человек – не венец творения, а только промежуточный этап. Или это не трусость, а эгоизм запредельный? Антропный принцип! Надо же додуматься до такого!

Иисус: Антропный принцип?

Яслан: Вся Вселенная была создана исключительно ради того, чтобы в ней появился Его Величество антропос, то бишь человек.

Я: Эгоизм и инстинкт самосохранения. Если уж они хотят жить, корчась от страшных болей, которые могут снять только не менее страшные таблетки, без памяти, без ума, став обузой для близких и родных, но всё равно жить, что и говорить об утрате самосознания. Это же мелочь! Они предпочтут сохранить человечество, даже если оно будет состоять из безмозглых и бездушных людей.

Эвар: А знаешь, почему я выбрал ... то, что выбрал? Я понял, насколько ничтожны

станут моя любовь и моя трагедия, проживи я очень-очень долгую жизнь. Ничтожны в моих же собственных глазах! А я этого не хотел! Неужели люди не предпочтут вовремя остановиться, если им как следует объяснить?

Я: Я знаю их. Я их знаю! Они предпочтут жить мечтами о новой любви.

Иисус: Раз уж ты отвела мне роль мессии и основателя, страшно подумать, христианства, я скажу так. Нет такой религии, которая обещала бы человечеству бесконечно долгую историю. Одни верят в грядущий апокалипсис, другие – в вечное повторение жизней и времен. Бесконечного прогресса не обещает никто. То, что однажды началось, непременно когда-нибудь закончится.

Эвар: Фернан, разве ты не выбрал бесконечно долгую жизнь?

Фернан: Очень долгую не значит бесконечную. Да, я предпочел прожить очень, очень много, всё на свете узнать, всему научиться, чтобы потом вернуться в Школу и утирать ваши носы. Но даже самый глупый из моих студентов в конце концов понял, что это еще не вечность.

Иисус: История человечества в любом случае конечна. Валентина, ты не можешь этого не понимать.

Я: Да. Но я не знала, что конец окажется таким скорым и таким... ну, бессознательным, что ли. Я надеялась, что точку в своей истории мы поставим обдуманно. Помните? «В истории людей многострадальной поставить точку. Этой точкой стать». Я надеялась, что еще успеют родиться люди, которые захотят познакомиться с вами. Со всеми вами, включая тех, кто сегодня не пришел. И кто-то из них поймет, что вы – это команда, что каждый из вас – часть головоломки, которую надо собрать, будто пазл. И найдется тот, кто этот пазл соберет, соединяя ваши характеры, переплетая ваши судьбы и добавив к ним еще одну судьбу: мою. Однако ничего этого не случится! Всё было напрасно!

Дух: Не напрасно! Ведь в результате на свет появились мы.

Я: Правда, вы никому не нужны.

Фернан: Мы нужны тебе. И друг другу.

Эксо́д

Я: И что вы будете делать теперь? Каждый из вас?

Дух: Сама знаешь, я так и остался дитя своего времени. Я навечно там, в конце 20 века. Впрочем, я всё равно уже умер.

Иисус: Умер и я. Память о том Иисусе, который создал христианство, будет жить, пока жив хотя бы один человек, не утративший душу. Но ко мне это отношения не имеет.

Яслан: Меня ты оставила среди павших духом людей, на развалинах нашего мира. Думаю, мы найдем, чем заняться, и нам утрата души не грозит.

Эвар: А я так и буду бесконечно проживать одну и ту же жизнь. Это всё равно, что без конца перечитывать одну и ту же книгу. Ты сама прекрасно знаешь, что это за чувство: предвкушение в самом начале, захватывающий сюжет в середине и конец, который оставляет ощущение пустоты. Но если книга оказалась стоящей, ты закрываешь ее с мыслью: всё-таки хорошо, что всё это случилось.

Я: Собственно, то же самое с историей человечества. В конце будет ощущение пустоты. И всё-таки хорошо, что всё это случилось.

Эвар: Но в книге всегда можно вернуться к началу! Во всяком случае, душу я не утрачу.

Иисус: Дело не в нас. Для нас ничего не изменится, потому что мы не можем измениться. Мы – твои персонажи, мы живем на страницах твоих книг. Мы уже

придуманы, и в наших жизнях ты сама поставила точку. Какая-то свобода выбора оставлена только для Фернана. Видимо, поэтому сейчас он молчит.

Фернан: Я думаю, главный вопрос – что теперь делать тебе, Валентина. И очень странно, что отвечать на него должны мы, которых ты сочинила. Вспомни! Мир устроен намного сложнее, но в то же время намного мудрее и добрее, чем его принято представлять. Верь в то, что хотя бы в этом ты оказалась права.

Иисус: «Не ведет ли себя природа по отношению к нам как зеркало, предъявляя нам именно тот из своих обликов, который мы более всего рассчитываем увидеть?» Твои слова? Вот и решай, что бы хотела увидеть в зеркале ты.

Дух: Верь в то, что прошлое не исчезает безвозвратно, оно продолжает существовать, надо только найти дорогу к нему.

Эвар: И в то, что однажды этот путь непременно отыщется. Помнишь? «Эта вера стала моим щитом».

Яслан: Что наша жизнь не перестанет длиться
В иных мирах, ведущих счет и рост
Помимо нам известного доселе
Учения о численности звезд.

Иисус: Но тот лишен свободного сознания,
Кто тут же не задаст себе вопрос:
Возможно ли обратное влиянье?
Возможно ль распрямиться в полный рост,
Восстать на автора своей судьбы грядущей?
Хоть этот бунт, конечно же, непрост.

Фернан: Бесстрашие пусть будет твой пароль,
Когда ты станешь персонажем драмы,
Когда тебя ведут, ведут сквозь строй,
От самого рождения до смерти,
По безупречно горестной кривой,
Которую ни взвесить, ни измерить.
Ты похожа на нас – или мы на тебя – способностью восстать против призраков сознания, усомниться в каком-нибудь из устоев общепринятой жизни.

Яслан: В одной из аксиом.

Фернан: Твои современники продолжают жить по готовым шаблонам, не замечая пропасти, к которой идут. Им так легче. Они не могут отказаться от веры в свой глупый прогресс, от страхов, от эгоизма. Но ты – можешь.

Дух: Пора прощаться, Валентина!

Иисус: Хотя на самом деле мы никуда не уйдем, просто ты перестанешь нас видеть.
Мы будем вечно жить в наших книгах, но в то же время мы будем с тобой.

Яслан: Мы всегда за твоей спиной. И те, кто сегодня не пришел, тоже.

Эвар: Мы не бросим тебя! Не оставим! Наше дыхание соразмерно с твоим.

Фернан: Потому что мы твои дети и часть тебя. *(Исчезают)*

Я: И что же теперь делать мне? Допустим, это был только сон. Мне уже снилось что-то такое, невероятно давно. Я – в кругу смутных друзей, и это чувство поддержки и братской любви. А потом я очнулась одна, в холодном зимнем городе, и мне было ровно три с половиной года. Я смотрела на свою детскую варежку. Варежка была красная с белым, и снежинки на ней не таяли. И ко мне пришло давящее осознание того, что придется начать всё сначала. Неужели то, где и когда я проснусь сейчас, зависит только от меня? А где я хочу проснуться?

